СЕРИЯ «ДЕКАБРЬСКИЕ ПОВОРОТЫ»

Рождество, в прямом эфире

ЭДДИ СЛОАН

Эдди Слоан

Рождество в прямом эфире

«Автор»
2026

Слоан Э.

Рождество в прямом эфире / Э. Слоан — «Автор», 2026

Одри Беннетт умеет говорить обо всём. Особенно в прямом эфире. Но однажды она забывает выключить микрофон и за двадцать восемь секунд высказывает всему Чикаго, что думает об идеальном Рождестве, счастливых семьях из рекламы и свечах за сорок два доллара.Запись разлетается по сети. Рекламодатель в ярости, начальница требует объяснений, а новый продюсер Бен Мерсер предлагает рискнуть ещё одним прямым эфиром.Бен невозмутим, остроумен и способен переспорить даже Одри. Их словесные дуэли подозрительно быстро превращаются в свидания. Вот только когда радиостанция решает сделать красивую рекламу из чужой личной истории, под угрозой оказываются и программа, и доверие между ними.До Рождества считаные дни. Одри привыкла находить нужные слова для слушателей. Но как сказать самое важное одному человеку?

© Слоан Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Микрофон всё ещё включён 5
Глава вторая. Позвоните, если вы тоже не идеальны 12
Глава третья. Счастье по предварительному согласованию 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Эдди Слоан
Рождество в прямом эфире

Глава первая. Микрофон всё ещё включён

В семь часов восемнадцать минут утра Одри Беннетт улыбалась так убедительно, что сама бы себе не поверила.

— А если вы всё ещё ищете подарок для человека, у которого уже всё есть, у нас замечательная новость, — сказала она в микрофон. — Теперь этому человеку можно подарить запах счастливой семьи. Всего сорок два доллара за свечу «Тепло дома». Потому что ничто так не напоминает детство, как счёт по кредитной карте.

За стеклом аппаратной Джо подняла листок с надписью: «НЕ ИМПРОВИЗИРУЙ В РЕКЛАМЕ».

Одри откашлялась.

— Это была шутка. Свеча действительно пахнет корицей, кедром и тем самым волшебством, которого нам всем так не хватает. Закажите две, и получите праздничную упаковку бесплатно.

Дез, сидевший в кресле у второго микрофона, опустил голову на руки. Его плечи подрагивали. Он собирался рассказывать о дорожных пробках, поэтому смеяться ему было особенно опасно: каждое утро он произносил слова «незначительная задержка», даже когда машины стояли настолько неподвижно, что в них можно было устраивать семейные обеды.

В наушнике щёлкнул голос звукорежиссёра:

— До отбивки десять секунд, Одри.

— А теперь новости о дорогах от человека, который не ездит на работу на машине. Дез, тебе слово.

— Спасибо, Одри. И доброе утро всем, кто уже покинул дом и теперь об этом жалеет.

Дез закончил короткую сводку о пробках, и Нейт пустил музыкальную отбивку.

Одри выключила свой микрофон. Во всяком случае, она нажала ту же кнопку, что и каждый день последние одиннадцать лет. Правда, с пятницы в студии стоял новый пульт, на котором кнопки располагались чуть иначе. На верхней панели по-прежнему была красная наклейка с нарисованной стрелкой. Одри не знала, кто её приклеил, и подозревала, что это был человек, которому следовало доплачивать за вредность.

Она сняла наушники, потянулась к бумажному стаканчику и обнаружила, что кофе остыл.

Утро началось в пять двадцать с сообщения от младшей сестры Ханны: «В субботу семейный ужин. Ты приедешь? Я обещала маме, что мы наконец соберёмся все вместе».

Одри ответила: «Подумаю».

Ханна прислала: «Это значит нет?»

Одри не ответила. У неё оставалось всего четыре часа до того момента, когда можно будет с чистой совестью признать, что она не хочет идти на семейный ужин. В их семье отказ без уважительной причины считался личным оскорблением индейки.

В аппаратной Джо указывала ей на что-то рукой. Одри подняла стакан в знак благодарности, решив, что помощница предлагает принести свежий кофе.

За стеклом Джо замахала сильнее.

— Господи, сколько можно, — пробормотала Одри. — В декабре люди будто соревнуются, кто сумеет сделать из обычного понедельника национальный праздник. И почему любой рекламный завтрак выглядит так, будто у всех есть три свободных часа, муж с идеальными

зубами и дети, которые добровольно надевают одинаковые свитера? А если у тебя тост, два пропущенных звонка от матери и ёлочная гирлянда, которая мигает только слева, что тогда? Рождество не засчитано?

Дез резко обернулся.

Он больше не смеялся.

— Одри, — сказал он негромко.

Она не обратила внимания.

— И давайте уже честно: свеча за сорок два доллара пахнет не семейным счастьем, а корицей, которую кто-то очень удачно продал. У меня дома есть корица. Могу прислать вам банку за двадцать и открытку с пожеланием не сойти с ума к двадцать пятому декабря.

За стеклом Джо прижала обе ладони к голове. Нейт, звукорежиссёр, наклонился над новым пультом и нажал кнопку так резко, будто пытался остановить пожар.

В наушниках Деза внезапно заиграла праздничная заставка.

Одри посмотрела на стекло. Потом на Деза.

— Что?

Он молча указал на красный огонёк над её микрофоном. Тот только что погас.

— Ты была в эфире, — сказал Дез.

Одри даже не сразу поняла, о каком эфире речь. Где-то за окном обычные чикагские автомобили ехали по обычной декабрьской улице. На экране висела реклама свечи. Никто не кричал. Мир явно продолжал работать.

— Нет, — сказала она.

— Да.

— Я нажала кнопку.

— Соседнюю.

Одри посмотрела на пульт. Стрелка на красной наклейке указывала куда-то между двумя похожими клавишами.

— Сколько? — спросила она.

Нейт ответил через переговорное устройство:

— Двадцать восемь секунд.

— Всего?

— В прямом эфире это много.

Одри понимала это не хуже него. За одиннадцать лет она научилась укладывать целый разговор в двадцать секунд и молчать, когда от неё требовалось молчание. Сейчас ей хватило двадцати восьми, чтобы высказать мнение, которое вообще не предназначалось для слушателей.

— Мы же не назвали марку свечи в конце? — спросила она.

Джо за стеклом медленно подняла рекламный листок. На нём крупными буквами значилось название бренда. Одри назвала его в рекламном блоке, а потом двадцать восемь секунд насмехалась над ценой свечи. Теперь слушатели точно знали, о какой компании речь.

— Замечательно, — сказала Одри. — Теперь нас хотя бы не обвинят в скрытой рекламе.

Дез закрыл глаза.

Через минуту на экране у Нейта появилась первая запись: слушатель снял фрагмент на видео, сидя за рулём у светофора. Ещё через две минуты их официальный аккаунт отмечали в каждом втором сообщении.

Джо открыла комментарии и повернула монитор к Одри.

«Наконец-то нормальный человек на радио».

«Это отвратительно. У меня дома пахнет корицей, и мы очень счастливы».

«Где купить банку корицы за двадцать долларов?»

«Пожалуйста, пусть она ведёт весь декабрь без сценария».

Самый неприятный комментарий появился чуть позже. Его оставила компания, которая производила свечи.

«Мы разочарованы пренебрежительным отношением к семейным традициям».

Одри перечитала фразу два раза. Ей хотелось ответить, что лично она ничего не имеет против семейных традиций, если только кто-нибудь объяснит, почему они непременно должны пахнуть кедром.

Вместо этого она спросила:

— До следующего выхода сколько?

— Сорок секунд, — ответил Нейт.

Одри надела наушники. Дез отодвинул от неё бумажный стаканчик, словно в нём было что-то опасное.

Она открыла подготовленный текст следующей рубрики. На первой строке значилось: «Как сохранить рождественское настроение, если всё идёт не по плану».

— Вы это специально? — спросила она.

— Материал утверждали в четверг, — сказала Джо.

— Какая предусмотрительность.

В наушнике зазвучал отсчёт.

Три. Два. Один.

Одри подалась к микрофону.

— Это «Доброе утро, Чикаго». Если вы только что услышали мои размышления о рождественских свечах, то да, микрофон действительно был включён. И нет, это не была часть рекламной кампании. Приношу извинения тем, кого задела моя шутка. И отдельные извинения тем, кто уже заказал две свечи. Бесплатная упаковка всё-таки очень симпатичная.

Дез издал звук, похожий на приступ кашля.

Одри продолжила:

— А сегодня у нас необычайно подходящая тема: что делать, когда всё идёт не по плану. Для начала можно проверить, выключен ли микрофон.

В аппаратной Нейт медленно опустился на стул.

К девяти утра второе видео, на котором Одри извинялась за первое, набрало больше просмотров, чем любая рекламная запись программы за последние два месяца.

Когда заиграла заключительная заставка, Одри убрала наушники и сразу же протянула руку к выключателю микрофона. Нейт остановил её жестом.

— Я сам, — сказал он.

— Как мило. Мой первый день под опекой.

— Это мера безопасности для всего штата Иллинойс.

Она вышла из студии. В коридоре пахло дешёвым кофе и электрическим теплом от множества включённых приборов. У окна Джо стояла с двумя телефонами, словно пыталась договориться одновременно о перемирии и об эвакуации.

— Дана хочет тебя видеть, — сказала она.

— Прямо сейчас?

— Она сказала «немедленно». Я уточнила, надо ли тебе сначала поесть. Она посмотрела на меня так, что я отменила вопрос.

— Чудесно. Закажи мне, пожалуйста, кофе, прежде чем мой портрет снимут со стены.

— У нас нет твоего портрета.

— Вот видишь. Уже началось.

По дороге к кабинету Одри проверила телефон. Ханна прислала ещё три сообщения. Первое было ссылкой на видео. Второе: «Это ты?!» Третье: «Мама тоже видела. Она сказала, что ты права насчёт свечей, но могла бы не говорить „муж с идеальными зубами“, потому что у Ричарда импланты».

Одри набрала сестре: «Ричарда люблю. В субботу не обещаю».

Ответ пришёл почти мгновенно: «Так ты придёшь или нет?»

Одри убрала телефон. Сейчас ей хотелось разобраться с одним семейным конфликтом за раз.

Дана Рид руководила радиостанцией шестой год. Она была из тех людей, которые никогда не повышают голос, потому что умеют сделать паузу достаточно длинной, чтобы собеседник сам начал признавать свои ошибки. На стене за её столом висели два диплома, фотография с каким-то известным музыкантом и календарь, перевёрнутый на февраль. Дана, вероятно, не собиралась признавать декабрь, пока он не принесёт прибыль.

В кресле у окна сидел мужчина в тёмно-синем свитере. На коленях у него лежал блокнот. Он поднялся, когда вошла Одри.

— Надеюсь, это адвокат, — сказала она.

— Это Бен Мерсер, — ответила Дана. — Ваш новый продюсер.

Одри остановилась.

— Мой кто?

— Новый продюсер. Мы обсуждали перестановки ещё в прошлом месяце. Сегодня он должен был познакомиться с командой.

— Вы выбрали удивительно удачный день.

Мужчина протянул руку.

— Бен. Приятно познакомиться.

Ему было около сорока семи. Тёмные волосы чуть серебрились на висках, а лицо было из тех, на которых трудно прочесть реакцию до тех пор, пока человек не решит её показать. Одри знала такой тип. Обычно на радиостанции эти мужчины сначала заявляли, что хотят «освежить формат», а затем предлагали ей смеяться на полтона выше.

Она пожала ему руку.

— Если вы ещё не слышали, то предупреждаю: я недавно высказала несколько спорных суждений о корице.

— Слышал, — сказал он. — Два раза.

— Зачем два?

— Первый раз случайно. Второй хотелось понять, как вам удалось за двадцать восемь секунд раскритиковать рекламодателя и продать ему ещё несколько свечей.

Одри не удержалась от улыбки. Самой маленькой, почти незаметной. Бен заметил.

Дана пододвинула к себе планшет.

— Представители бренда требуют официальных извинений. Отдел продаж пытается убедить их не отзывать контракт. Ещё три рекламодателя попросили разъяснений. А я получила двадцать девять сообщений от сотрудников с вопросом, что происходит.

— Вы посчитали? — спросила Одри.

— Да.

— Я бы остановилась после пятого.

— Вот именно поэтому мы сейчас разговариваем, Одри.

Она села. Бен остался стоять у окна, пока Дана не указала на кресло.

— Нам нужен план, — сказала Дана. — В полдень я должна объяснить владельцам станции, почему наша утренняя ведущая решила устроить публичную дегустацию корпоративных обещаний.

— Я не пробовала свечу на вкус.

Дана посмотрела на неё.

— Вы поняли.

Одри выпрямилась. Она могла бесконечно шутить над собственной неловкостью, но не хотела притворяться, будто не понимает серьёзности происходящего.

— Я ошиблась с микрофоном, — сказала она. — Отвечаю за это. Я готова извиниться перед рекламодателем и аудиторией без подмигиваний. Но я не говорила, что Рождество бессмысленно. Я говорила, что люди устают от требований быть идеальными. Это разные вещи.

Бен оторвался от блокнота.

— Согласен.

Дана повернулась к нему.

— Тогда предложите что-нибудь полезное.

— Для начала я бы не заставлял Одри завтра читать три минуты извинений, написанных юридическим отделом. Люди уже услышали её. Если она начнёт делать вид, что не имела в виду ни слова, они перестанут ей верить.

— А спонсоры? — спросила Дана.

— Со спонсорами нужно говорить отдельно. Мы не будем выдавать случайно включённый микрофон за маркетинговую задумку.

Одри посмотрела на него внимательнее.

— А в эфире вы предлагаете что?

— Открыть телефонную линию.

— Для жалоб на меня? Достаточно прочесть комментарии.

— Нет. Для историй слушателей. Не о лучшем Рождестве в их жизни. О настоящем. О подарках, которые они ненавидели. О блюдах, которые никто не ел. О семейных привычках, которые все терпят ради мира за столом.

Дана молчала. Бен продолжил:

— Один утренний блок. Сначала рассказываем, что произошло, и извиняемся по делу. Затем даём людям возможность посмеяться над тем, о чём обычно не принято рассказывать в декабре. Если мы правы, разговор станет разговором, а не оправданием.

— А если не правы? — спросила Одри.

— Тогда вы сможете лично сказать мне, что идея была ужасной.

— Я могу сделать это прямо сейчас. Для разминки.

— Можете. Но лучше после цифр.

В его голосе не было снисхождения. Он не пытался поставить её на место. Одри обнаружила, что ей хочется спорить с ним исключительно ради того, чтобы услышать ещё один ответ.

Дана открыла на планшете статистику.

— Вы оба понимаете, что у нас нет права на ещё один подобный эпизод?

— Именно поэтому нужен Нейт, который будет держать руку на выключателе, — сказала Одри.

— И почему это не должно стать цирком? — спросила Дана.

Бен отложил блокнот.

— Потому что мы не будем смеяться над людьми, которые позвонят. Мы дадим им посмеяться над собой. Разница большая.

Дана задумалась. Потом повернулась к Одри:

— Это ваша программа. Что скажете?

Одри медленно выдохнула. Ей хотелось сказать, что вся идея ужасная. Что на неё теперь будут звонить люди, уверенные, будто она их личный врач по праздничному раздражению. Что у неё и так достаточно проблем. Но неприятнее всего было другое: ей самой захотелось услышать такие истории.

— Если мы открываем линию, — сказала она, — я хочу настоящих звонков. Без актёров и историй, которые рекламный отдел сочинит к обеду. И, разумеется, Джо сначала проверит звонящих.

— Согласен, — сказал Бен.

— И если женщина скажет, что ненавидит рождественский пудинг, мы не должны немедленно организовывать ей доставку другого пудинга.

— Особенно учитывая, что это будет ужасно скучное радио.

— И никто не станет заставлять меня петь.

— Это условие придётся отдельно обсудить.

Она повернулась к нему.

— Мерсер, вы уже меня раздражаете.

— Пока только на работе, — ответил он.

Дана подняла руку.

— Один день. Завтра проверим реакцию. После эфира мне нужны цифры по звонкам и сообщениям, а не ваши совместные впечатления. Если это не сработает, вернёмся к обычному формату.

Одри кивнула. Её не уволили. Пока. И это уже было больше, чем она ожидала, когда вошла в кабинет.

В коридоре Бен нагнал её у автомата с кофе. Он нажал кнопку. Машина загудела так, словно над ней проводили эксперимент.

— Вы действительно считаете, что это сработает? — спросила Одри.

— Не знаю.

— Вы только что выступили с уверенностью человека, который уже напечатал афиши.

— На совещании я говорил о возможности, а не о гарантии.

— Для радио это почти неприлично честный ответ.

Бен вынул пластиковый стаканчик. Попробовал кофе, поморщился и всё равно сделал второй глоток.

— Знаете, что меня удивило? — спросил он.

— Что свечи стоят сорок два доллара?

— Что вы вернулись в эфир и не стали делать вид, будто ничего не произошло.

Одри оперлась плечом о стену.

— А что я должна была сделать? Начать программу о загадочном голосе, который случайно ворвался в нашу студию?

— Некоторые сделали бы именно так.

Она внимательно посмотрела на него.

— И что вас в этом так впечатлило?

— Не впечатлило. Просто я понял, с кем собираюсь работать.

Одри уже приготовила ответ, но неожиданно не нашла подходящего. Такое случалось редко и обычно после посещения стоматолога.

Бен взял со стола рядом с автоматом несколько бумажных салфеток.

— Завтра в шесть я буду здесь. Принесу список тем. Если решите, что какая-то тема не подходит, вычеркнем.

— Вот так просто?

— Да. Вы знаете своих слушателей лучше меня. Я знаю, как не утопить программу в чужих ожиданиях. Посмотрим, получится ли из этого что-нибудь.

Он направился к лестнице. Одри смотрела ему вслед секунду дольше, чем собиралась.

Потом телефон в её руке завибрировал.

От Ханны пришло новое сообщение: «Мама говорит, что у тебя прекрасный голос, даже когда ты ругаешь свечи. И да, в субботу нас будет девять».

Одри закрыла глаза.

Девять человек за столом, если Ханна по-прежнему считала и её. А Одри, которой было сорок четыре, потребовалось почти три дня, чтобы ответить на простое приглашение.

Она набрала ответ: «Не приду. Но желаю вам прекрасного вечера. Без свечей за сорок два доллара».

Ханна поставила сердечко. Через секунду написала: «Ты заболела?»

Одри рассмеялась так громко, что Бен обернулся с лестницы.

— Хорошие новости? — спросил он.

— Семейные. На радио у нас хотя бы есть кнопка выключения.

— Проверим завтра, — сказал Бен и скрылся за поворотом.

Одри взглянула на телефон. Её сообщения под видео продолжали множиться. Одно выделялось среди прочих:

«Пожалуйста, сделайте такую программу. Мне есть что рассказать про вазу, которая уже одиннадцать лет путешествует между мной и свекровью».

Одри оглянулась на закрывшуюся дверь лестницы и улыбнулась. Теперь ей даже было любопытно, что случится завтра.

Было бы хорошо, если бы на этот раз микрофон включали только по её просьбе.

Глава вторая. Позвоните, если вы тоже не идеальны

Во вторник в пять пятьдесят восемь утра Одри обнаружила, что в её любимом кресле сидит чужой мужчина.

Точнее, мужчина уже был знакомый, но кресло от этого не становилось менее её.

Бен Мерсер поставил на колени блокнот и изучал лист, исписанный мелким почерком. На столе рядом с ним лежали две бумажные коробки с завтраком. Одри остановилась на пороге аппаратной.

— У вас есть шесть секунд, чтобы объяснить, почему вы здесь.

Бен поднял глаза.

— Я продюсер.

— Это объясняет присутствие в здании. Кресло принадлежит другой юрисдикции.

— Оно единственное, с которого видно одновременно студию и пульт. Я встану, когда закончу сверять звонки.

Одри посмотрела на коробки.

— А это взятка?

— Завтрак. Не знаю, что вы едите, поэтому взял два варианта.

— Какой из них опаснее?

— Тот, где шпинат.

Она открыла вторую коробку. Внутри лежал тёплый сэндвич с яйцом и сыром.

— Великодушно. Я не собираюсь благодарить вас за то, что вы угадали мой основной источник питания.

— И не требуется. Я собираюсь задавать вопросы.

Бен освободил кресло. Одри села, откусила сэндвич и обнаружила на своём столе лист с надписью «ЗВОНЯЩИЕ: ПЕРЕД ЭФИРОМ». Внизу, более мелко, было дописано: «Это касается также ведущей».

— Я вас уже терпеть не могу.

— Мы знакомы меньше суток. Есть к чему стремиться.

За стеклом Джо, пробегая мимо с катушкой кабеля, одобрительно показала Бену большой палец.

Одри решила, что предательство в этой редакции распространяется особенно быстро.

Они начали с правил. Слушатели могли звонить и рассказывать о семейных праздничных традициях, которые дома считали прекрасными, а они сами едва переносили. Звонок сначала принимала Джо, выясняла, не собирается ли звонящий раскрыть чужие личные данные, втянуть в историю ребёнка или выставить другого человека на посмешище. Нейт проверял связь, Бен окончательно выбирал, кого выводить в эфир. Одри оставалось самое сложное: слушать.

— У вас такое лицо, будто вы предлагаете мне выступать без микрофона, — заметила она.

— Микрофон останется. Просто не нужно добивать человека, который сам позвонил и уже волнуется.

— Бен, я одиннадцать лет разговариваю с людьми в прямом эфире.

— Поэтому, думаю, справитесь.

Она хотела возразить, но в этот момент Нейт просунул голову в дверь.

— Только что проверил новые кнопки. Красная наклейка на месте. Для особо дорогих наших сотрудников могу добавить инструкцию с картинками.

— Добавь, — сказала Одри. — И подготовь второй комплект для тех, кто считает кофе из автомата пригодным для питья.

Бен, не поднимая головы, отпил из пластикового стаканчика.

— Он становится лучше к третьему глотку.

— На третьем организм прекращает сопротивление.

К половине седьмого Джо получила двадцать три заявки. Одну отклонила сразу: мужчина хотел подробно рассказать, что его бывшая жена сделала с рождественским украшением. Одри не попросила уточнений. По опыту она знала, что подробности в таких случаях никогда не улучшают утро.

В семь десять зажёгся красный индикатор.

— Доброе утро, Чикаго. Это Одри Беннетт. Если вы слышали меня вчера, вам наверняка известно, что я считаю не все праздничные традиции одинаково прекрасными. Особенно те, у которых есть счёт на сорок два доллара.

Нейт театрально сложил руки, будто молился.

— Сегодня мы проверим, одна ли я такая. У вас есть семейный обычай, который все обожают, кроме вас? Вы каждый год поёте песню, которую никто не знает до конца? Вас заставляют надевать свитер с подсветкой? Позвоните нам. Только, пожалуйста, без фамилий людей, которым вы потом ещё собираетесь смотреть в глаза за рождественским столом.

Бен показал через стекло карточку: «УЖЕ ШЕСТЬ ЛИНИЙ».

Она подняла брови. Он добавил вторую: «И НЕ НАДО УПОМИНАТЬ СВЕЧИ СНОВА».

— Для начала у нас есть женщина, чей рождественский подарок оказался на удивление долговечным, — продолжила Одри. — В эфире Линда. Линда, здравствуйте.

— Здравствуйте, Одри. Я вчера оставляла комментарий про вазу.

Одри выпрямилась.

— Так это вы! Признаюсь, с тех пор я переживаю за судьбу вашей вазы больше, чем за собственную.

Линда засмеялась.

— Она ужасная. Большая, голубая, с золотыми птицами. Двенадцать лет назад мне подарила её свекровь. Я поставила вазу в шкаф. Потом решила, что свекровь просто забыла, что дарила её, и подарила обратно на Рождество.

— Рискованная стратегия.

— Она сказала, что ваза великолепная. На следующий год подарила её мне.

Нейт открыл рот и медленно закрыл. Даже Дез, готовивший дорожную сводку, снял наушник.

— Погодите, — сказала Одри. — Она узнала вазу?

— Думаю, да. Потому что с тех пор мы дарим её друг другу каждый декабрь. Одиннадцать лет. Муж говорит, у нас наконец появилась собственная традиция.

— А кто выигрывает?

— Тот, у кого ваза не стоит дома следующие двенадцать месяцев.

— А если кто-то случайно её разобьёт?

— Тогда другой купит такую же. Мы обе это понимаем.

Одри уже собралась сказать что-то про самое крепкое семейное соперничество в истории фарфора, но заметила, что Бен поднял ладонь: дай договорить.

— Знаете, — сказала Линда, и голос её неожиданно потеплел, — моя свекровь в этом году плохо ходит. Мы долго думали, сможем ли вообще собраться вместе. Но она позвонила мне в воскресенье и сказала: «Надеюсь, ты не избавилась от моей вазы». Так что она уже упакована. В пятницу отвезу.

На несколько секунд в студии стало тихо.

— Передайте свекрови, — сказала Одри, — что Чикаго будет следить за вашим турниром. И что за одиннадцать лет она ни разу не проиграла всерьёз.

— О, ещё как проиграла, — ответила Линда. — В прошлом году я спрятала внутрь вазы конфеты, которые она не любит. Вот тогда она разозлилась.

Одри не успела удержаться от смеха.

Бен за стеклом тоже улыбался. Не широкой телевизионной улыбкой. Скорее так, будто он услышал именно то, ради чего стоит приходить на работу в шесть утра.

Следующий звонящий, мужчина по имени Том, признался, что ежегодно собирает большой рождественский вертеп, а затем тайком переставляет фигурки.

— Почему? — спросила Одри.

— Потому что отец ставит пастухов так, что они перекрывают выход. Если бы случился пожар, ни один волхв не выбрался бы наружу.

— Том, вы случайно не работаете в пожарной инспекции?

— Нет. Я архитектор.

— Всё ясно. А семья знает?

— Жена знает. Остальные считают, что ночью фигурки сами двигаются.

— И как долго это происходит?

— С тех пор, как мы поженились. Девять лет.

В наушнике раздался голос Бена:

— Спроси, кто двигает фигурки обратно.

— Том, а кто по утрам переставляет пастухов на прежнее место?

— Мой отец. Он говорит, что я не понимаю замысла художника.

— Получается, вы два взрослых человека девять лет спорите о планировке маленького хлева, не обсуждая это вслух?

— Да, — ответил Том с несомненной гордостью.

Дез за своим микрофоном уронил карандаш.

Потом позвонила Эвелин и рассказала, как её семья каждый год устраивает конкурс: кто угадает больше ингредиентов в рождественской запеканке сестры. Победителю полагается коробка конфет. Обычно объявляют ничью, поскольку никто не может угадать ничего.

— А сказать сестре правду не пробовали? — спросила Одри.

— Что вы! Она очень гордится своим блюдом.

— И как оно называется?

— «Рождественский сюрприз».

— По крайней мере, честно.

— Сюрприз в том, что нам приходится есть его каждый год, — уточнила Эвелин.

Одри рассмеялась вместе с ней и дала женщине договорить, не пытаясь вставить шутку. Бен одобрительно кивнул из аппаратной. Она сделала вид, что не заметила.

Следующий звонок чуть не сорвал программу. Женщина начала с невинной истории про одинаковые пижамы, но затем перешла к обстоятельствам развода соседей. Бен сразу дал Нейту сигнал, и Одри перевела разговор на самую безобидную часть: пижамы.

— Скажите, они хотя бы удобные?

— Нет. Но на фотографиях мы все похожи на коробку рождественских леденцов.

— Тогда у вас есть уважительная причина устроить семейный протест, — заключила Одри, и Нейт мягко вывел звонок из эфира.

Во время рекламной паузы Бен вошёл в студию. Дез ушёл за водой, а Одри повернулась к новому продюсеру вместе с креслом.

— Мне нравится ваш способ показывать, что вы считаете историю скучной, — сказала она. — Вы поднимаете указательный палец, словно видите вдалеке приближающийся поезд.

— Это означает: «Нельзя говорить в эфире о соседском разводе».

— А я думала: «Время проверить давление».

Он положил на стол распечатку новых заявок.

— Линда была хороша.

— Вы имеете в виду, она была смешной или вы получили моральное удовлетворение от того, что я не превратила её в шутку?

— И то и другое. Но в первую очередь она сама рассказала историю лучше, чем смогли бы мы.

Одри посмотрела на стекло аппаратной. Там Джо разговаривала по телефону, закрыв одно ухо ладонью, а Нейт показывал ей новые номера на экране.

— Я чуть не перебила Линду перед тем, как она рассказала про свекровь, — призналась Одри.

— Я заметил.

— Мне за это полагается выговор?

— Нет. Мне полагается завтрак. Второй сэндвич не съели?

— Он был со шпинатом.

— Это не ответ.

— В таком случае нет.

Бен рассмеялся. Смеялся он, оказывается, беззвучно, чуть наклоняя голову. Одри неожиданно захотелось узнать, как он смеётся, когда забывает о работе.

— Вы сегодня после эфира собираетесь куда-нибудь? — спросила она и немедленно пожалела о формулировке.

Он поднял глаза.

— В кабинет Даны. Судя по количеству сообщений, там будет весело.

— Я имела в виду, чтобы вы знали: вам придётся пережить совещание. Не приглашала вас на свидание.

— Я и не подумал.

К сожалению, он улыбнулся как человек, который подумал совершенно точно.

Одри повернулась к микрофону. До конца паузы оставалось пять секунд. Пяти секунд вполне хватало, чтобы совершить ещё одну глупость.

После восьми программа закончилась. Кофе остыл, на полу возле Нейта лежали две порванные бумажные карточки, а телефон не умолкал даже после того, как линии закрыли.

— Пятьдесят два звонка, сто сорок семь сообщений и три предложения выйти замуж за Тома, — отчиталась Джо. — Последние три от людей, которые утверждают, что он единственный мужчина в городе, понимающий, как должны стоять пастухи.

Дез стащил наушники.

— Можно завтра поговорить о дорожных работах? Это моя единственная тема, где никто не приносит меня в жертву семейным традициям.

— Ты сам рассказал, что не водишь машину, — напомнила Одри.

— И всё равно ежедневно страдаю от пробок. Это называется профессиональная солидарность.

В половине девятого Дана собрала их в переговорной. На экране стояла сравнительная таблица за вчера и сегодня. Цифры были неплохими, хотя Одри по опыту знала, что цифры сами по себе редко означают спасение.

— Вчерашний ролик всё ещё распространяется, — сказала Дана. — Сегодняшние звонки дают нам людей, которые действительно слушают. Хорошо. Но рекламодателю свечей пока не смешно.

— Может, они ещё не добрались до третьего глотка кофе, — пробормотала Одри.

Дана сделала вид, что не услышала.

— Маркетинговый отдел предлагает декабрьский проект на основе ваших звонков. Нужен человеческий сюжет, который можно развивать до сочельника. Не только забавные привычки, но и что-нибудь эмоциональное.

— Люди рассказывают о себе не для того, чтобы мы назначали их национальными символами декабря, — заметил Бен.

— Я пока ничего не назначала, — ответила Дана. — Но нам нужны партнёры, чтобы оплачивать этот эфир. Не забывайте об этом.

Одри знала, что начальница права по существу. Деньги не появлялись от хороших звонков. И всё-таки мысль о том, что чью-то семейную вазу уже примеряют на роль рекламного талисмана, ей не нравилась.

Джо постучала и просунула голову в дверь.

— Извините. Пришла запись от слушательницы. Я думаю, вам стоит послушать. Она подписалась «Марси» и разрешила использовать сообщение в программе. Но там есть уточнение.

Дана протянула руку за телефоном.

— Включай.

Из динамика прозвучал спокойный женский голос:

— Здравствуйте, Одри. Меня зовут Марси. Мне пятьдесят два. У моей семьи замечательная традиция: каждый декабрь меня спрашивают, не будет ли мне одиноко на Рождество. Потому что я не замужем и собираюсь провести праздник дома одна. И каждый декабрь я отвечаю, что мне нравится моя жизнь. Я приготовлю себе пасту, открою хорошее вино и посмотрю старый фильм. Если мне понадобится компания, я приглашу кого-нибудь сама. Очень прошу: не надо меня спасать. Я не потерялась.

Последние два слова Марси произнесла с такой невозмутимой уверенностью, что Одри почти увидела её: женщина с бокалом вина, которой кто-то опять предлагает «зайти хотя бы на часик».

— Вот! — воскликнула Одри. — Вот такую историю надо ставить в эфир. И после неё спрашивать людей, почему они считают одиночество чрезвычайным происшествием.

— Хорошая запись, — сказал Бен. — Особенно концовка.

Дана ничего не ответила. Она прослушала сообщение ещё раз, уже глядя в окно.

— Отдел продвижения как раз ищет героя для праздничной кампании, — сказала она наконец. — Надо с ними поговорить.

— Она прямо сказала, что её не нужно спасать, — напомнила Одри.

— Я слышала, Одри. Не надо повторять.

Совещание закончилось через несколько минут. Когда они вышли в коридор, Одри остановила Бена.

— Вы тоже подумали то же самое?

— Что если мы используем запись так, как просила Марси, всё будет хорошо? Да.

— А если нет?

Бен посмотрел на закрытую дверь переговорной.

— Тогда придётся следить, чтобы никто не перепутал разрешение на эфир с разрешением распоряжаться её жизнью.

У Одри зазвонил телефон. Ханна сообщала, что мать разослала вчерашнюю запись своим подругам, сопроводив её подписью: «Она с детства была очень прямолинейной». А сегодня уже советует Одри, как лучше разговаривать с рекламодателями.

«Похоже, мама стала твоим агентом, — писала Ханна. — Нам положен процент?»

Одри ответила: «Только если она продаст хотя бы одну свечу» и убрала телефон.

Бен всё ещё стоял рядом.

— Что-то случилось?

— Нет. Моя мама открыла для себя социальные сети. Мы все это переживём. Наверное.

— Серьёзное дело.

— У неё есть свободное время и хорошая память. Я бы не недооценивала опасность.

Он улыбнулся. У лестницы Одри задержалась: разговор закончился, а уходить ещё не хотелось.

В этот момент из-за двери переговорной донёсся голос Даны. Она говорила по телефону достаточно громко, чтобы они оба услышали:

— Да, у нас появилась идеальная героиня. Женщина собирается провести Рождество одна. Представляете, каким подарком для неё может стать настоящий праздник?

Одри остановилась посреди коридора.

Бен тоже.

Им даже не понадобилось переглядываться, чтобы понять: завтра будет гораздо сложнее, чем сегодня.

Глава третья. Счастье по предварительному согласованию

В среду в шесть пятьдесят четыре утра Одри узнала, что чужое счастье можно испортить при помощи трёх цветных фломастеров.

На доске в переговорной кто-то успел нарисовать улыбающуюся женщину в красном свитере. Над ней красовались слова: «ПОДАРИМ ЕЙ НАСТОЯЩЕЕ РОЖДЕСТВО». Под рисунком значилось: «Марси, 52 года. Проводит праздник одна».

— Ей забыли дорисовать кандалы, — заметила Одри.

Бен, стоявший у двери с папкой, прочитал надпись.

— Возможно, их оставили на вторую презентацию.

Из аппаратной донёсся голос Нейта, проверявшего связь. Через четыре минуты начинался эфир. Доска никуда не денется, решила Одри. Хотя с удовольствием отправила бы её на помойку ещё до завтрака.

— Мы это остановим? — спросила она.

— Сначала узнаем, кто придумал. И что именно собирается делать.

— Придумал человек с тремя фломастерами. Я готова начать с него.

Бен приоткрыл дверь студии и пропустил её вперёд.

— Начнём с эфира. Остальные преступления расследуем после восьми.

За микрофоном Одри почти забыла о рисунке. Звонящие продолжали обсуждать неудачные семейные традиции. Один мужчина признался, что каждый год выдаёт свою покупную клюквенную подливку за рецепт бабушки. В прошлом году бабушка попробовала её, одобрила и попросила научить готовить.

— И что вы сделали? — спросила Одри.

— Сказал, что это секрет семьи.

— Она вам поверила?

— Нет. На следующий день принесла мне пакет с банками. Сказала, чтоб я хотя бы наклейки отклеивал.

Дез чуть не захлебнулся водой. Нейт вывел следующую отбивку, а в наушнике Одри раздался тихий смех Бена.

К концу эфира у них набралось ещё восемь историй. Джо сообщила, что одна слушательница предложила им вести передачу каждый декабрь, а другая спросила, нельзя ли пригласить Деза на рождественский обед. Дез попросил уточнить меню прежде, чем отвечать.

В половине девятого они вернулись в переговорную. К рисунку добавились две золотые звезды.

— Видимо, Марси уже победила в чём-то, — сказала Одри.

За столом сидела Келли из отдела продвижения. Она была примерно ровесницей Одри, говорила очень быстро и держала перед собой три папки разных цветов. Дана, руководительница станции, листала финансовую сводку.

— Хорошо, что все здесь, — сказала Келли. — Я набросала варианты рождественской кампании.

— Мы заметили, — ответила Одри, указывая на доску. — У Марси есть фамилия, или это ещё одна услуга, которую вы хотите ей подарить?

Келли посмотрела на рисунок с удовлетворением автора.

— Это пока образ. Не настоящая реклама.

— Прекрасно. Значит, мы пока никого не оскорбили за деньги.

— Одри, — предупредила Дана.

Бен сел рядом с Одри и раскрыл блокнот.

— Марси разрешила поставить её сообщение в нашей программе, — сказал он. — Не дала согласия стать лицом рекламного проекта. И в записи буквально просила не устраивать ей праздник.

— Мы хотели предложить ей приятный сюрприз, — возразила Келли. — Возможно, встречу с родными, красивый ужин, подарки. Людям нравятся такие истории.

— А Марси нравится паста и старое кино, — сказала Одри. — Она довольно ясно это объяснила.

Келли постучала ручкой по столу.

— Вы же понимаете, что у нас есть рекламодатель, который недоволен вашим понедельничным выступлением? Нам нужно предложить партнёрам нечто привлекательное. Просто смеяться над чужими пирогами недостаточно.

— Мы смеёмся вместе с людьми, — поправил Бен. — И они сами выбирают, что рассказывать.

— Тогда давайте дадим им возможность выбрать участие и в рекламной кампании, — сказала Келли. — Отдельное согласие, документы, всё как положено.

Одри приготовилась спорить дальше, но остановилась. Это было разумно. И раздражало именно поэтому.

— Только никаких спасательных операций, — сказала она. — Если человек счастлив, не будем назначать ему диагноз.

— Нам всё равно нужна эмоциональная история, — ответила Дана. — Рождественский эфир должен быть чем-то большим, чем подборка жалоб на родственников.

Бен повернул к ним блокнот. Наверху было написано: «Как оно бывает на самом деле».

— Не жалобы, — сказал он. — Небольшие истории о декабре, которые люди сами захотят рассказать. Смешные, неловкие, добрые. Пусть слушатели предлагают темы, а мы согласовываем каждую запись. Отдельно для эфира, отдельно для рекламы.

— И без сюрпризов для участников, — добавила Одри.

— Мы не можем продавать рекламодателю отсутствие сюрпризов, — заметила Келли.

— Уверяю вас, — сказала Одри, — у любой нормальной семьи найдётся достаточно сюрпризов без нашей помощи.

Дана долго смотрела на доску.

— До пятницы найдите несколько историй, которые можно показать партнёрам. Если это будет просто список людей, недовольных индейкой, мы вернёмся к обычному праздничному формату.

— А Марси? — спросила Одри.

— Мы не будем связываться с ней по поводу кампании без её согласия, — ответила Дана. — Доску, Келли, пожалуйста, убери.

Келли взяла губку. Первой исчезла улыбка у нарисованной женщины.

Когда они вышли в коридор, Одри обнаружила, что сжимает в руке колпачок от чужого фломастера.

— Кажется, я украла улику, — сказала она.

Бен посмотрел на синий пластик.

— Верните до того, как за вами приедут из отдела канцелярских преступлений.

— Вы когда-нибудь улыбаетесь победе?

— Это ещё не победа. Мы только что согласились за два дня придумать программу, которой не существует.

— Обычно я делаю это за две минуты в прямом эфире.

— Вот поэтому я и не паникую.

Он говорил совершенно серьёзно. Одри сунула синий колпачок в карман пальто и, чтобы не благодарить его вслух, принялась изучать расписание.

К одиннадцати Джо создала для новых заявок отдельную папку. Через двадцать минут Бен обнаружил в ней три файла под названием «Отец потерял индейку».

— У нас три разных отца? — спросил он.

— Один, — ответила Джо. — Три версии.

— А индейка?

— Пока без вести пропала. Я ещё не дослушала.

Одри выбрала второй файл. Мужчина с серьёзностью свидетеля в суде рассказывал, как оставил праздничную птицу в багажнике машины, потому что в доме не было места в холодильнике. На следующее утро он не нашёл её там.

— Индейку украли? — спросила Одри.

— Нет, — сказала Джо. — Дальше интереснее.

На записи мужчина объяснял, что супруга ночью переставила машину, а он забыл, что в семье теперь два одинаковых серебристых автомобиля. Индейка всё это время лежала в другом багажнике.

— Не выпускать в эфир, пока не узнаем, чем всё закончилось, — сказал Бен.

— Я уже написала, — ответила Джо. — Он обещал перезвонить после разговора с женой.

— То есть нам ещё неизвестно, был ли у этого Рождества счастливый финал, — заметила Одри.

Дез возник в дверях.

— А вот у меня есть новость: на автостраде грузовик потерял искусственную ёлку. Она проехала почти милю, прежде чем её убрали с дороги. Настоящее дерево вело бы себя гораздо ответственнее.

— Ты уверен, что говоришь о дорожной сводке? — спросила Одри.

— В декабре это одно и то же.

Ближе к обеду в кабинете стало душно. Бен открыл окно на три пальца, и в комнату ворвался ледяной воздух. Одри немедленно закрыла его.

— У вас что, закалка из детства?

— В комнате было жарко.

— Это называется отопление. В Чикаго мы за него платим.

Он молча придвинул к ней термостат. Одри посмотрела на число и убавила температуру на два деления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.